
113
1442

Роль женщинъ въ исторіи фармаціи

К. В. Бенингъ.

Будущій лѣтописецъ современной великой войны, разбираясь во вліяніи ея на фармацію, среди различныхъ отрицательныхъ и положительныхъ сторонъ несомнѣнно долженъ будетъ отмѣтить, что вслѣдствіе отлива мужскихъ рабочихъ силъ въ армію, женщины получили въ аптеку болѣе широкій доступъ и только благодаря этому аптеки оказались въ состояніи продолжать свою нормальную дѣятельность.

„Съ тѣхъ поръ, добавитъ лѣтописецъ дальше, на женщинъ-фармацевтокъ перестали смотрѣть какъ на бѣлыхъ слоновъ. Присутствіе ихъ въ аптекѣ изъ лишь терпимаго стало даже желательнымъ, тѣмъ болѣе, что уже по прирожденнымъ женщинѣ чистотѣ и аккуратности онѣ оказались особенно подходящими къ исполненію аптечной работы“.

Хотя пословица и говоритъ, что нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ, но предсказываемыя слова лѣтописца уже въ настоящій моментъ начинаютъ сбываться, а потому подобное предсказаніе является лишь логическимъ выводомъ изъ общаго хода событій, въ данный моментъ ускоряемаго великой войной народовъ.

Всякій безпристрастный наблюдатель долженъ признать, что женщина по своимъ природнымъ даннымъ дѣйствительно вполнѣ подходитъ къ исполненію большинства фармацевтическихъ работъ, и если она еще не завоевала всѣ права гражданства, то это зависитъ исключительно отъ извѣстныхъ

предразсудковъ, консерватизма и даже боязни предъ послѣдствіями совмѣстной работы лицъ обоего пола.

Истинная причина подобной женобоязни скрыта, безъ сомнѣнія, въ инстинктѣ самосохраненія мужчинъ, боязнѣ конкуренціи и въ борьбѣ за существованіе. Лица, безсознательно подчиненныя этому чувству, считаютъ появленіе женщины-фармацевтки за ассистентскимъ столомъ вторженіемъ въ чужую область, захватомъ чужой собственности и по меньшей мѣрѣ новшествомъ—вреднымъ и ненормальнымъ.

Чтобы показать, насколько подобный взглядъ на женщинъ-фармацевтокъ неправиленъ, я и обращусь къ помощи исторіи.

Исторія, это—законъ эволюціи человѣческой жизни. Не отдѣльныя личности дѣлаютъ исторію, а исторія подготовляетъ и создаетъ новыя явленія въ лицѣ извѣстныхъ дѣятелей. То, что современникамъ кажется случайнымъ, ненормальнымъ и совершенно безпричиннымъ, при историческомъ разборѣ является лишь непремѣннымъ связующимъ звеномъ въ цѣлой цѣпи событій и фактовъ, составляющихъ циклъ развитія опредѣленнаго историческаго явленія.

Поэтому, если мы докажемъ, что женщины въ фармаціи не новшество, а исторически подготовленное явленіе, полное развитіе котораго тормозилось лишь мужчинами, то мы тѣмъ самымъ лишимъ всѣхъ поборниковъ одного мужского труда всякой точки опоры.

Прежде, чѣмъ перейти къ роли женщины въ исторіи фармаціи, считаю, однако, нужнымъ сдѣлать нѣкоторое примѣчаніе, касающееся избранной мной темы.

Не только роль женщины въ фармаціи, но и вообще исторія самой фармаціи, разработана еще очень слабо. Это объясняется тѣмъ, что фармація, опредѣляя ее какъ искусство приготовленія лекарственныхъ препаратовъ и изученіе свойствъ сырыхъ лекарственныхъ продуктовъ, въ первые вѣка

самостоятельно не существовала, а составляла одно цѣлое съ общимъ врачебнымъ искусствомъ.

Затѣмъ, хотя она и отдѣлилась какъ особая спеціальность, долгое время продолжала обслуживаться тѣми же врачами, составляя лишь низшій отдѣлъ медицины. Наконецъ, когда она получила профессіональную самобытность, то все же не достигла еще административной самостоятельности, а продолжала оставаться подъ той же опекой врачей. При такихъ условіяхъ исторія фармаціи является слишкомъ тѣсно переплетенной съ исторіей медицины, и провести строгой границы между ними нельзя.

Кромѣ того, если смотрѣть на фармацію въ болѣе широкомъ смыслѣ, то чистое происхожденіе ея изъ медицины вообще еще можетъ оспариваться.

Въ древніе вѣка былъ очень развитъ уходъ за внѣшностью человѣческаго тѣла: мы повсюду встрѣчаемъ широко распространенное употребленіе благовоній, смолъ, бальзамовъ, притираній и мазей и вообще косметическихъ средствъ, которыя имѣли очень мало отношеніе къ медицинѣ и врачамъ. Число лицъ, спеціализировавшихся въ этой области, было очень велико и ихъ существованіе было вполнѣ самостоятельное. Несомнѣнно, что и они играли большую роль въ созданіи фармаціи. Является еще вопросомъ, не вѣрнѣе ли ихъ считать прототипомъ фармацевтовъ, къ которымъ перешло, выдѣленное изъ медицины, изготовленіе лекарствъ.

Такимъ образомъ исторія фармаціи требуетъ еще кропотливаго изученія и не только источниковъ по исторіи медицины, но также и по другимъ общимъ вопросамъ культуры и нравовъ.

Поэтому, если моя попытка освѣтить роль женщины въ исторіи фармаціи не рѣшитъ вопроса исчерпывающимъ образомъ и будетъ носить эскизный характеръ, то я заранѣе прошу снисхожденія.

Гдѣ бы на земномъ шарѣ и не находилась колыбель человѣчества, мы можемъ все же съ увѣ-

ренностью сказать, что рядомъ съ этой колыбелью перваго человѣка стояла и колыбель врачевательнаго искусства, т. е. медицины и фармаціи, а первымъ человѣкомъ, оказавшимъ первую врачебную и лекарственную помощь, должна была быть женщина.

Въ силу особо складывавшихся обстоятельствъ первобытнаго человѣка и его семьи женщина являлась не только хранительницей домашняго очага, но и главой семьи, этотъ періодъ въ исторіи культуры носитъ даже спеціальное обозначеніе матріархата.

Мужчина проводилъ большое время на охотѣ въ лѣсахъ, онъ нерѣдко возвращался домой израненный въ неравной борьбѣ со звѣремъ или другимъ соперникомъ. Жена первая дѣлала перевязку, сперва при помощи одной воды, а затѣмъ въ поискахъ различныхъ средствъ начала собирать травы, пробовать ихъ цѣлебную силу. Такимъ путемъ она научилась оцѣнивать какъ ихъ лечебное дѣйствіе, такъ и способъ употребленія. Прикладывая къ ранамъ сперва само растеніе, она перешла вскорѣ къ изготовленію припарокъ, настоевъ, къ употребленію смѣсей, мазей и т. д.

Материнская же любовь инстинктивно научила ее понимать страданія своего ребенка и находить въ окружающей природѣ подходящее средство для его леченія.

Женщина исполняла эту роль врачевательницы, соединявшей въ себѣ и обязанности врача и трудъ фармацевта, не только подъ вліяніемъ первоначально сложившихся условій жизни, но и въ силу того, что она самой природой по даннымъ своего характера оказалась къ этому предназначенной. Поэтому эта роль осталась у всякой хозяйки-матери семьи уже на вѣчныя времена.

Но вотъ первобытный человѣкъ начинаетъ стараться объяснить все непонятное въ окружающемъ мірѣ, онъ ищетъ причину различныхъ внезапныхъ явленій какъ пріятныхъ, такъ и непріятныхъ, вредящихъ ему, среди послѣднихъ на первомъ мѣстѣ стоятъ боѣзни и смерть.

Не находя видимой и достаточно понятной причины, онъ приписываетъ ихъ солнцу, лунѣ и различнымъ явленіямъ природы,—словомъ, человѣкъ создаетъ зачатки религіи. Не будучи въ состояніи подчинить себѣ эти силы, онъ старается ихъ умилостивить подарками: появляются жертвоприношенія. Сперва эти жертвоприношенія совершаютъ старшіе въ родѣ—родоначальники и вожди племени, а затѣмъ это становится исключительнымъ правомъ особыхъ лицъ-жрецовъ.

Такъ какъ всѣ заболѣванія считались дѣломъ злыхъ силъ природы, то вполнѣ понятно, что борьба съ ними—а всякая борьба по самой своей идеѣ доступна лишь мужчинѣ—перешла также въ руки жрецовъ.

Съ этого момента женщина потеряла свое значеніе въ дѣлѣ развитія общественнаго врачеванія, и сохранила его только для своей семьи или своихъ близкихъ по роду. Она вслѣдствіе конкуренціи и авторитетности жрецовъ должна была съузить свою дѣятельность, но не прекратила ея совершенно.

Дѣло въ томъ, что даже сами жрецы не могли первое время обойтись безъ помощи женщинъ, уже накопившихъ и передававшихъ изъ рода въ родъ, отъ матери къ дочери, какъ свои познанія въ лекарственныхъ средствахъ, въ особенности травахъ, такъ и свой лечебный опытъ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока жрецы не пріобрѣли сами опыта и знаній, не построили храмовъ и не образовали замкнутой касты, не допускавшей посторонняго человѣка проникнуть въ ихъ священныя тайны. Съ этого времени врачеваніе стало исключительной привилегіей жрецовъ, а женщины перешли на терпимое положеніе знахарокъ.

Такова была первая стадія развитія врачебнаго искусства. Если здѣсь медицина и фармація еще и представляютъ одно неразрывно цѣлое, то все же важно отмѣтить хотя бы ихъ общее происхожденіе изъ рукъ женщины.

Этотъ эмбріональный періодъ у всѣхъ доисторическихъ народовъ протекалъ, повидимому, со-

вершенно одинаково и разнится лишь своей продолжительностью въ зависимости отъ соприкосновенія и сношеній съ другими народами, обладавшими болѣе развитой культурой.

Такое соприкосновеніе влекло за собой появленіе новыхъ воззрѣній и взглядовъ какъ на сущность болѣзней, такъ и на способы ихъ леченія, ускоряя наступленіе новой эпохи въ развитіи врачевательнаго искусства.

Жрецы въ первое время ихъ главенства являлись единственными образованными людьми. На ряду съ различными знахарскими пріемами, которые необходимы были для внѣшняго воздѣйствія на толпу, они въ то же время положили первое основаніе научному изученію болѣзней и дѣйствію лекарственныхъ средствъ.

Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, нѣкоторые дошедшіе до насъ источники древней ассиро-вавилонской, египетской и индійской культуръ. Такъ напр. въ Индіи за 2500 лѣтъ до Р. Хр. или даже около 3000 лѣтъ, жрецы кормили дѣвочекъ съ малолѣтства извѣстными ядовитыми лекарствами, впослѣдствіе одно прикосновеніе такихъ „ядовитыхъ дѣвицъ“ вызывало неизбѣжную смерть. Это указаніе заставляетъ предполагать уже довольно высокую сравнительно степень спеціализаціи индусскихъ жрецовъ-врачей. Съ другой стороны въ одномъ вавилонскимъ источникѣ, относящемся къ царствованію короля Гудеа также около 3000 лѣтъ до Р. Хр. имѣется слѣдующее выраженіе, употребленное въ видѣ метафоры „городъ уподобился матери больного, готовящей лекарственный напитокъ,“ дословное выраженіе — воду здоровья.

Такимъ образомъ хотя оффиціальными представителями врачебнаго искусства и являлись жрецы, но все же примѣненіе его, хотя бы въ предѣлахъ своей семьи было не менѣе признаннымъ правомъ матери-хозяйки дома.

Обращаясь къ болѣе позднимъ источникамъ, мы наталкиваемся на несомнѣнныя доказательства

примѣненія женскаго труда при врачеваніи и ex officio.

Но прежде чѣмъ перейти къ этому, я позволю себѣ обратить вниманіе на слѣдующее, общее и одинаковое почти для всѣхъ народовъ, явленіе.

Послѣ поклоненія видимымъ явленіямъ природы и ея стихіямъ, во время первобытнаго состоянія человѣкъ перешелъ затѣмъ къ иной формѣ религіи. Не удовлетворяясь существовавшими грубыми божествами, народъ оставилъ эти стихіи лишь какъ подвластныя другимъ, болѣе могущественнымъ, и уже не видимымъ богамъ.

Жрецы съ своей стороны не безъ корыстныхъ цѣлей поддерживали это стремленіе и помогли создать религію, въ которой боги были недоступны простымъ смертнымъ, но хорошо знакомы самимъ жрецамъ. Благодаря этому жрецы стали посредниками между богами и народомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтали неограниченную власть и могущество.

Разбираясь въ этомъ религіозномъ культѣ интересно отмѣтить слѣдующее. Почти у всѣхъ народовъ помимо главныхъ боговъ покровителей врачевательнаго искусства существовали одновременно и богини. Послѣднихъ обычно почитали какъ спеціальныхъ божествъ, научавшихъ не только лечить, но и какъ собирать цѣлебныя травы, готовить и примѣнять соотвѣтствующія лекарственныя формы.

Не рѣдко этимъ богинямъ присваивается эпитетъ „Цѣлительница“.

Такъ были: Астарта у Финикіянъ, Танитъ въ Карфагенѣ, Дидона въ Тирѣ, Истаръ въ Месопотаміи, Ашоретъ у евреевъ и т. д.

Существованіе этихъ богинь безъ сомнѣнія подтверждаетъ тотъ фактъ, что врачеваніе какъ и у первобытнаго человѣка считалось именно дѣломъ женщины.

По мѣрѣ развитія этого второго періода человѣческой культуры, фармацевтическая и врачебная дѣятельность жрецовъ начинаетъ пріобрѣтать уже характеръ спеціальности.

Жречество можно было въ этотъ періодъ считать вообще синонимомъ образованности, такъ что всѣ врачи продолжали выходить изъ касты жрецовъ, но въ то же время уже не всякій жрецъ могъ быть и врачемъ.

При храмахъ стали основывать школы, въ которыхъ проходили особый курсъ врачевательнаго искусства. Создавалась даже спеціализація среди самихъ врачей. Сообразно господствовавшимъ тогда взглядамъ на происхожденіе болѣзней, леченіе производилось или лекарствами, или заговорами и заклинаніями. Послѣднее примѣнялось главнымъ образомъ противъ болѣзней, насылавшихся особыми злыми духами и демонами. Сообразно съ этимъ были врачи заклинатели или же лечившіе фармацевтическими препаратами.

Послѣдніе пока еще сами составляли лекарства и сами должны были заботиться о полученіи соотвѣтствующихъ сырыхъ продуктовъ. Для этого они обращались къ помощи женщинъ, которымъ извѣстны были цѣлебныя силы растеній и которыя большей частью имѣли у себя соотвѣтствующіе запасы не только травъ, но и вообще всѣхъ лечебныхъ средствъ.

Интересно отмѣтить здѣсь, что существованіе и типъ такихъ женщинъ представляетъ собой одно изъ самыхъ постоянныхъ явленій міра. Пройдитесь въ Казани по Травяному ряду и загляните въ травяныя лавки и Вы найдете картину, которая не измѣнилась ни на іоту въ теченіи нѣсколькихъ тысячелѣтій. Цѣлые народы исчезли безслѣдно съ лица земли, но „травяныя бабы“ останутся, повидимому, на вѣчныя времена.

Кромѣ роли поставщицъ древнимъ врачамъ сырыхъ лекарственныхъ веществъ, эти женщины занимались также и самостоятельнымъ леченіемъ и изготовленіемъ лекарствъ и въ особенности косметическихъ средствъ.

Врачу, занятому практикой и занимавшему очень почетное положеніе, не смотря на пословицу, встрѣчаемую въ Талмудѣ: „и лучшему изъ врачей мѣсто въ аду“, не рѣдко некогда было готовить

самому лекарство или же онъ считалъ такой трудъ для себя унизительнымъ и поэтому у него несомнѣнно должны были быть помощники.

Въ библіи мы встрѣчаемъ, между прочимъ, неоднократныя указанія на — по дословному переводу — „смѣсительницъ мазей". Положеніе ихъ было, повидимому, не особенно почетное, такъ какъ напр. Самуилъ грозитъ Израилю, желавшему новаго царя, что этотъ новый царь сыновей народа сдѣлаетъ солдатами, а дочерей кухарками, булочницами и „смѣсительницами мазей".

Если дѣятельность этихъ смѣсительницъ мазей и не относится столько къ врачебному искусству, сколько къ области косметики, то все же эти женщины являлись какъ бы уже спеціалистками дѣла, во всякомъ случаѣ очень близкаго къ фармаціи.

О распространенномъ примѣненіи косметическихъ средствъ мы также узнаемъ изъ библіи, при чемъ женщины должны были сами умѣть готовить эти средства.

Насколько это искусство у евреекъ высоко ставилось, видно изъ приказа, чтобы всѣ дѣвушки, на которыхъ останавливался благосклонный взглядъ царя, прежде, чѣмъ быть допущенными ко двору, обязаны были пройти 6-мѣсячный курсъ примѣненія бальзамовъ и мирры и такой же курсъ приготовленія „хорошихъ благовоній" для украшенія женскаго лица и тѣла.

Остается еще добавить, что у древнихъ евреевъ существовали также и профессіональныя повивальныя бабки, которыя, помимо своихъ прямыхъ обязанностей, занимались также леченіемъ, а главнымъ образомъ продажей различныхъ готовыхъ средствъ.

Такимъ образомъ исторія древнихъ евреевъ не оставляетъ сомнѣній, что у нихъ уже встрѣчается прототипъ фармацевтокъ, какъ для приготовленія и продажи лекарственныхъ средствъ, такъ въ особенности и косметическихъ, при чемъ это послѣднее являлось ихъ исключительной привилегіей.

У египтянъ врачебное искусство находилось подъ покровительствомъ опять-таки богини Изиды. Послѣдняя научила этому искусству своего сына

Хороса. Спеціальнымъ богомъ врачей былъ Duhit (θούθ) или Тотъ. Между прочимъ этому богу посвящена была птица ибисъ.

Тотъ изображался или въ видѣ цѣлой фигуры этой птицы, ставившей своимъ длиннымъ клювомъ самой себѣ изъ морской воды промывательное, почему его и считаютъ изобрѣтателемъ этого средства, или же въ видѣ кормчаго съ головой ибиса, охраняющаго на лодкѣ богиню Хаторъ отъ опасности. Подъ этимъ изображеніемъ встрѣчается впервые слово PH-AR-MAKI, что значитъ дарующій безопасность или защиту или охраняющій отъ опасности. Это слово перешло затѣмъ въ греческій языкъ, а оттуда и во всѣ остальные.

Египетъ славился высокой степенью развитія врачебнаго искусства и большимъ количествомъ врачей. Послѣднее обстоятельство было обусловлено навѣрное частыми эпидеміями и многочисленностью господствовавшихъ болѣзней. Между прочимъ въ Египтѣ среди врачей существовало уже раздѣленіе на спеціальности: по διαιτητική, φαρμακευτική и χειρουργική.

Врачи, занимавшіеся изготовленіемъ лекарствъ, назывались urma или pastophorae (?). Среди лицъ, занимавшихся изготовленіемъ и продажей лекарствъ, повидимому не-врачей, александрійскій врачъ Celsus называетъ φαρμακοπῶλαι, φαρμακίδες и φαρμακεῖς.

Фармакополы были знахари-шарлатаны, они занимались главнымъ образомъ продажей тайныхъ средствъ. Фармакиды были также разновидностью знахарей, но они практиковали болѣе при помощи заговоровъ и заклинаній, примѣняя попутно и лекарственныя снадобья. При этомъ необходимо подчеркнуть, что лица женскаго пола этой послѣдней категоріи — φαρμακίδες — упоминаются значительно чаще мужскихъ представителей—φαρμακεῖς.

Всѣ эти лица относились авторами древнихъ источниковъ къ категоріи изготовлявшихъ лекарственные препараты, дѣлавшихъ нерѣдко врачамъ

большую конкуренцію, и могутъ, поэтому, разсматриваться какъ предки профессіональной фармаціи.

Что касается участія женщинъ въ врачебномъ искусствѣ Египта помимо названныхъ φαρμακίδες, то можно отмѣтить слѣдующее.

Въ египетскихъ храмахъ при высокомъ культѣ Изиды—матери плодородія и покровительницы фармаціи—было очень много жрицъ, занимавшихся преимущественно женскими немощами и оказывавшими одинаково какъ чисто медицинскую, такъ и лекарственную помощь.

Этими жрицами часто состояли даже царственныя особы, которыя съ особой любознательностью занимались приготовленіемъ различнѣйшихъ средствъ, нерѣдко испытывая ихъ фармакологическое дѣйствіе на рабыняхъ или лицахъ, посвятившихъ себя Изидѣ.

Египетская медицина перенята была грекам и почти цѣликомъ, такъ что всѣ свѣдѣнія о состояніи врачебнаго искусства въ этой странѣ пирамидъ и фараоновъ мы въ настоящее время черпаемъ главнымъ образомъ изъ греческихъ источниковъ, а, поэтому, и перейдемъ теперь къ Греціи.

Греческая миѳологія рисуетъ появленіе на землѣ болѣзней наиболѣе поэтическимъ образомъ.

Съ сотворенія міра на землѣ существовалъ золотой вѣкъ—безъ печалей и безъ болѣзней, но и безъ женщинъ. Однажды япетидъ Прометей, уже прежде помогавшій людямъ, укралъ у Зевса огонь и принесъ его людямъ на землю въ поломъ стеблѣ Ferula communis. Громовержецъ Зевсъ разсердился и рѣшилъ наказать его за это. Онъ приказалъ Гефесту изготовить фигуру женщины и предложилъ всѣмъ безсмертнымъ богамъ изукрасить ее лучшими дарами. Такъ создана была первая женщина Пандора, одаренная женственностью и красотою, граціей и нѣжностью, веселостью, но и хитростью. Ее-то Зевсъ и приказалъ Гермесу отнести на землю Эпиметею, брату Прометея. Хотя Эпиметей и предупрежденъ былъ своимъ братомъ не принимать отъ Зевса подарковъ, но онъ такъ

былъ очарованъ ея красотою, что не смогъ ей отказать въ гостепріимствѣ и принялъ отъ нея ларецъ съ подарками боговъ. Едва Эпиметей успѣлъ пріоткрыть ларецъ, какъ оттуда выскочили Горе и Печаль, Нужда и Голодъ, Заботы, Болѣзни и множество другихъ страданій.

Испугавшись, онъ быстро захлопнулъ крышку, и въ ларцѣ осталась лишь одна Надежда — это единственное средство утѣшенія страждущему человѣчеству. Съ тѣхъ поръ по землѣ поползли изнурительная лихорадка, въ воздухѣ носятся ужасныя повѣтрія и чума, а черезъ моря тянутся блѣдные съ впалыми глазами призраки различнѣйшихъ болѣзней. Прометея же Зевсъ приковалъ къ пустынной скалѣ Кавказа.

Но вскорѣ нашелся другой богъ—Э с к у л а п ъ, сынъ Аполлона, высшаго покровителя врачебнаго искусства. Эскулапъ, наслѣдовавшій отъ отца талантъ леченія и усовершенствовавшій его подъ руководствомъ центавра Хирона, уже съ раннихъ лѣтъ производилъ чудесныя исцѣленія; онъ умѣлъ не только лечить самыя страшныя болѣзни, но воскрешалъ даже мертвыхъ. Послѣднее не понравилось подземному богу Плутону и онъ пожаловался Зевсу. Тогда Зевсъ убилъ Эскулапа молніей, такъ какъ не могъ допустить посторонняго вмѣшательства въ строго положенные предѣлы для жизни человѣка.

Благодарные смертные не забыли Эскулапа; они стали строить въ честь его храмы—Асклепіи, жрецы которыхъ и послѣдователи—асклепіады продолжали заниматься врачеваніемъ.

Лекарства, которыя употреблялъ Эскулапъ, готовились богиней Г и г і е й. Эта богиня, называемая или его дочерью или же его супругой является такимъ образомъ первой самостоятельной покровительницей чистой фармаціи.

Въ греческой миѳологіи имѣется еще много другихъ богинь, почитавшихся за покровительницъ врачевательнаго искусства.

А р т е м и д а—защитница и приносящая исцѣленіе считалась богиней рожденій и кормилицей

или питательницей юношества. А ѳ и н а-П а л л а д а помимо общей покровительницы врачеванія почиталась еще спеціально какъ цѣлительница глазныхъ заболѣваній.

Г е к а т а съ обозначеніемъ φαρμακίς, что значитъ чародѣйка; ей приписывали особую власть надъ ростомъ лекарственныхъ растеній. Служеніе ей въ особыхъ храмахъ производили женщины, спеціально посвящавшія себя этому культу и называвшіяся, повидимому, позаимствованнымъ изъ Египта словомъ φαρμακίδες.

Преданіе гласитъ, что у ней имѣлся особый садъ, окруженный высокой стѣной и охранявшійся богиней Артемидой. Въ этомъ саду росли Aconitum, Solanum insanum, Mandragora и другія сильнодѣйствующія растенія. Такимъ образомъ культъ Гекаты является какъ бы примѣромъ чисто женской фармаціи. Во всякомъ случаѣ фармакиды въ Греціи представляли уже болѣе высокую степень спеціализаціи, чѣмъ въ Египтѣ, такъ какъ ихъ дѣятельность была повидимому уже связана съ культурой лекарственныхъ растеній.

Дочь Гекаты—М е д е я наслѣдовала отъ матери ея знанія; она умѣла производить омолаживающія леченія при помощи ваннъ изъ отвара укрѣпляющихъ растеній, она знала дѣйствіе ядовитыхъ растеній, и, между прочимъ, извѣстна тѣмъ, что отравила своего отца и свою соперницу.

Къ этимъ же миѳическимъ личностямъ должна быть отнесена и П о л и д а м н а, изобрѣвшая „φάρμακον νηπενθές“ или напитокъ забвенія, содержавшій опій или вѣрнѣе гашишъ.

Разсматривая этотъ перечень боговъ, полубожествъ и просто миѳическихъ личностей, невольно бросается въ глаза преобладаніе среди нихъ женскаго элемента. Останавливаясь же на ихъ дѣятельности, мы должны будемъ признать, что народный эпосъ приписываетъ этимъ богинямъ не столько руководящую или какую-либо созидательную роль въ дѣлѣ врачебнаго искусства, какъ именно роль помощницъ врачей, культивирующихъ и собирающихъ лекарственныя растенія и

умѣющихъ изготовлять различныя лекарства, т. е. создаетъ изъ нихъ какъ разъ специалистокъ фармацевтическаго дѣла.

Этотъ фактъ существованія отдѣльныхъ боговъ для изготовителей лекарственныхъ препаратовъ указываетъ, между прочимъ, и на вполнѣ уже опредѣлившееся раздѣленіе врачебныхъ и фармацевтическихъ профессій.

Значеніе и практика врачей значительно расширялась; они имѣли уже своихъ особыхъ помощниковъ μανθάνοντεσ, которые въ пріемной врача ἰατρεῖον исполняли всѣ необходимыя работы, мѣшали мази, дѣлали отвары и также ставили паціентамъ клизмы.

Со временемъ работа настолько увеличилась и приняла такой характеръ, что потребовались особые запасы матеріаловъ. Врачи оказались вынужденными отвести для этого особое помѣщеніе, и здѣсь мы впервые встрѣчаемся со словомъ ἀποθήκη, происходящемъ отъ греческаго глагола ἀποτιθέναι— что значитъ запасать, сохранять, откладывать. Эта „апоѳека“ однако не имѣла тогда современнаго специальнаго обозначенія, она обозначала вообще складочное помѣщеніе, кладовую для запасовъ, и обыкновенно къ этому слову добавлялось опредѣленіе какая апоѳека, такъ напр. существовали растительная, винная, для пряностей, книжная и т. д.

На ряду съ указанными помощниками врачей существовали и въ Греціи упомянутые мною для Египта φαρμακοπῶλαι и φαρμακεῖς—мужчины и φαρμακίδες—женщины. Сперва это были выходцы изъ Египта, а затѣмъ возможно даже, что это были тѣ же и μανθάνονθες, ставшіе самостоятельными.

Нерѣдко сами врачи, заинтересованные болѣе изученіемъ и приготовленіемъ лекарственныхъ препаратовъ, чѣмъ врачебной практикой, всецѣло предавались этой специальности и въ этомъ случаѣ они назывались φαρμακοποιοί.

Кромѣ того изъ врачей же вышли „ридзотомы“. Это были лица, которыя занимались собираніемъ растительныхъ лекарственныхъ веществъ и изу-

чавшія ихъ дѣйствіе въ зависимости отъ условій сбора и мѣста произрастанія.

Эти двѣ категоріи могутъ считаться уже представителями нарождавшейся научной фармаціи.

На ряду съ мужскимъ элементомъ, значительно увеличившимся къ этому времени и сильно конкурировавшемъ даже между собой, женскій трудъ оказался въ загонѣ; женщины были только въ видѣ знахарокъ и повивальныхъ бабокъ, такъ называвшихся „Majae".

Исторія напр. съ похвалой отзывается о майи Файнаретѣ—матери Сократа. Въ общемъ же характеристика этихъ майй и ихъ ремесла не особенно лестна.

Къ нимъ между прочимъ причисляется и Аспазія—извѣстная подруга Перикла. Она была даже авторомъ сочиненій, собранныхъ Асціемъ изъ Амиды въ одно четырехкнижіе. Встрѣчающіяся заглавія „Corrumpentia foeti", „Уходъ при выкидышахъ", „Леченіе кондиломъ" очень характерны, какъ въ особенности для ремесла этихъ майй, такъ и вообще для всѣхъ послѣдующихъ любительницъ и профессіоналокъ врачевательнаго искусства греческаго и римскаго періодовъ.

Къ этой же эпохѣ должна быть отнесена и Клеопатра, какъ яркая представительница царственныхъ особъ, изучавшихъ приготовленіе лекарствъ не только изъ любви къ искусству, но и съ болѣе коварными цѣлями. Плутархъ и Плиній указываетъ, что Клеопатра очень любила изучать дѣйствіе различныхъ ядовитыхъ средствъ на своихъ рабахъ. Она сама готовила смертоносныя напитки, къ которымъ нерѣдко прибѣгала для устраненія своихъ противниковъ, а также и любовниковъ. Но въ то же время она изучала и противоядія; по словамъ арабскаго врача Ибнъ-Ваасъ-Шійя существовало даже особое „Antidotum Kleopatrae reginae ad Theodotem". Клеопатрѣ приписываютъ также составленіе къ сожалѣнію утерянной „κοσμητικῶν βίβλίον", въ которой находилась, между прочимъ, глава о средствахъ, придающихъ волосамъ курчавость. Галенъ и многіе другіе позд-

нѣйшіе врачи часто ссылаются на это сочиненіе, приводя изъ него различные рецепты.

Наконецъ Клеопатра будто бы первая описала устройство перегоннаго аппарата.

Исторія упоминаетъ еще о нѣкоторыхъ женщинахъ, имѣющихъ отношеніе къ фармаціи. Antiochis—на ея надгробномъ памятникѣ имѣется посвященіе, восхваляющее ея таланты какъ цѣлительницы болѣзней чудесными средствами, а также составительницы руководства къ приготовленію лекарствъ. Галенъ, между прочимъ, называетъ средство [1]) Malagma ad Splenicos изъ ея труда, но не указываетъ ближе его состава.

Далѣе Плиній и Галенъ же называютъ нѣкую Elephantis, написавшую книгу διά τῶν κοσμητικῶν, хотя она болѣе прославилась подробнымъ описаніемъ всевозможныхъ способовъ удовлетворенія страсти in Venero.

Упоминаются еще Eugerasia, Maja и Metrodora; послѣдняя достигла особой славы по спеціальности леченія женскихъ болѣзней. Галенъ приводитъ, между прочимъ, два средства отъ кашля и одно отъ поноса нѣкоей Origeneia, которыя употреблялись съ успѣхомъ еще и въ его время.

Называютъ еще Xanite и Samithra, которые извѣстны по сохранившимся рецептамъ противъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней.

Такимъ образомъ мы видимъ, что во второмъ періодѣ развитія врачевательнаго искусства, для котораго особенно характерно время расцвѣта греческой культуры, роль и значеніе женщины значительно измѣнились по сравненію съ временами первыхъ вѣковъ. Правда, мы имѣемъ очень большое число женщинъ среди божествъ, покровительствующихъ врачеванію и это указываетъ, что народъ, создавая свои миѳы, еще живо помнилъ значеніе женщины во врачебномъ искусствѣ во время своей первобытной жизни, но по мѣрѣ увеличенія числа врачей, по мѣрѣ ихъ профессіональной орга-

---

[1]) Припарки для больныхъ.

низаціи, они понятно, съумѣли вытѣснить женщинъ изъ общественнаго врачеванія.

Однако такое искусственное препятствіе развитію одного изъ прирожденныхъ дарованій женщины, если и достигло цѣли, преслѣдовавшейся врачами-мужчинами, то во-первыхъ не вполнѣ, а во-вторыхъ повело къ нежелательному явленію— распространенія тайнаго врачеванія и знахарства.

Характеръ и природныя данныя женщины, терпѣніе, состраданіе, самопожертвованіе и другія качества подъ вліяніемъ чувствительнаго и нѣжнаго сердца, а не холоднаго разсудка, сама по законамъ природы присужденная къ ряду тяжелыхъ страданій,—все это какъ-то инстинктивно приближаетъ женщину ко всякому чужому горю, ко всякому болѣющему и безпомощному человѣку. Помимо словъ утѣшенія она ищетъ и находитъ способы и средства и для непосредственной помощи.

Познакомившись съ подачей первой помощи еще съ малолѣтства въ родительскомъ домѣ, она затѣмъ могла усовершенствовать свои познанія, какъ у названныхъ майй, такъ главнымъ образомъ въ храмахъ у жрицъ, служившихъ разнымъ покровительницамъ врачевательнаго искусства.

Такимъ образомъ женщины, обладая всѣми данными для успѣшнаго служенія помощи ближняго, и не находя вслѣдствіе засилья мужчинъ-врачей другого легальнаго выхода, желая все же использовать свои силы и познанія, пошли по торному пути знахарства и тайнаго врачеванія.

Изъ исторіи культуры мы знаемъ, что расцвѣтъ Греціи сопровождался значительнымъ упадкомъ нравовъ, а это повлекло за собой большой спросъ на различныя средства косметическія, приворожительныя, любовныя напитки, а также средства менѣе невиннаго характера, какъ напр. abortiva и, наконецъ, средства отъ секретныхъ болѣзней— прототипы нашихъ шарлатанскихъ Patentica.

Такъ какъ эти средства являлись преимущественно интимнаго характера и къ нимъ прибѣ-

гали главнымъ образомъ женщины же, то вполнѣ понятно, что онѣ искали пріобрѣсти ихъ у своей же сестры, а не обращались къ фармакополамъ, торговавшимъ къ тому же для этого слишкомъ открыто. Вотъ какое направленіе приняла дѣятельность женщинъ въ этотъ періодъ. Но необходимо еще разъ подчеркнуть, что на эту нелегальную дорогу знахарства онѣ пошли не столько по собственному желанію, сколько, съ одной стороны вслѣдствіе конкуренціи мужчинъ, а съ другой въ силу особыхъ условій вѣка, породившихъ подобный спросъ на интимную помощь въ секретныхъ и сердечныхъ дѣлахъ.

Греческая культура этого періода считалась у всѣхъ остальныхъ народовъ долгое время образцовой, она перенималась ими почти цѣликомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и взглядъ на дѣятельность женщины въ медицинѣ оставался неизмѣненнымъ. Послѣдствіемъ всего этого было то, что за женщиной на многіе вѣка было признано лишь право знахарства.

Перейдемъ теперь къ исторіи фармаціи въ Римѣ.

Первыми фармацевтами: pharmacopolae, pharmaci, migmatopolae были греческіе выходцы, къ которымъ затѣмъ прибавились и собственные unguentarii, pigmentarii и seplasiarii. Послѣднее названіе произошло отъ названія одной улицы въ Римѣ Seplasia, которая населена была почти исключительно мелкими дрогистами institores, получившими впослѣдствіи мѣстное названіе по имени этой улицы seplasiarii, ставшее потомъ уже общимъ для представителей этой отрасли фармаціи.

Аналогично греческимъ майямъ въ Римѣ были Sagae. Послѣднія существовали вполнѣ открыто и селились также по спеціальной улицѣ: Subura, на которой находились самые различные притоны, игорные дома, мелкіе кабаки и подобныя учрежденія.

И въ Римѣ главнымъ занятіемъ Sagae было составленіе и продажа косметическихъ средствъ,

а также и тайныхъ снадобій для секретныхъ болѣзней.

Такъ какъ греческая культура принесла съ собой усиленный уходъ за внѣшностью, то римскія женщины даже высшихъ круговъ любили заниматься составленіемъ подобныхъ рецептовъ. Такъ Ювеналъ разсказываетъ, что Поппея Сабина, жена Нерона, изобрѣла особую мазь для лица, а Марціалъ добавляетъ, что для скрытія мази она на нее накладывала мушки, якобы для придачи лицу шаловливаго выраженія. Она первая стала употреблять для ваннъ ослиное молоко, для чего въ ея свитѣ находилось всегда сто ослицъ. Между прочимъ она примѣняла для увеличенія зрачковъ „Kallyblepharon".

Sagae, а также и повивальныя бабки, имѣлись въ Римѣ въ очень большомъ количествѣ; нѣкоторыя изъ нихъ пользовались громадной славой, главнымъ образомъ вслѣдствіе широкой рекламы и продажи тайныхъ средствъ.

Историки сообщаютъ, что эти средства состояли изъ самыхъ разнообразныхъ веществъ, подъ часъ весьма отвратительнаго свойства, такъ напр. выдѣленія изъ половыхъ путей животныхъ, при чемъ особой славой пользовалось Hippomanes—слизь кобылы, менструальная кровь, моча, высушенныя жабы, экскременты животныхъ, женское молоко и подобные предметы сомнительной дѣйствующей силы, хотя до извѣстной степени и напоминающіе наши пресловутые органопрепараты.

Что женщины въ Римѣ очень склонны были заниматься приготовленіемъ лекарствъ, показываетъ, между прочимъ, большое распространеніе домашнихъ аптечекъ въ видѣ особыхъ шкафчиковъ или ларцовъ, сохранившихся и до нашихъ дней. Кромѣ того существовали рабыни, искусныя въ изготовленіи лекарствъ. Насколько послѣднія высоко цѣнились, видно напр. изъ того, что простые рабы стоили около 20 солидовъ—на наши деньги рубля 3—, умѣвшіе писать—50 солидовъ, а „servi medici" 60 солидовъ и были, слѣдовательно, самыми дорогими

Такимъ образомъ по сравненію съ Греціей фармація въ Римѣ сдѣлала не особенно большіе успѣхи, если не считать, что за женщинами было признано право открытой торговли различными мелочами косметическихъ и аптекарскихъ товаровъ, а также приготовленіе и продажа тайныхъ средствъ.

При царствованіи болѣе суровыхъ властителей онѣ временами подвергались притѣсненіямъ, наоборотъ, при слабовольныхъ или при забираніи власти женщинами преслѣдованія прекращались.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло въ теченіи многихъ вѣковъ вплоть до VIII вѣка. Съ VIII вѣка вообще въ исторіи медицины и фармаціи замѣчается наступленіе новой эпохи, главнымъ образомъ вслѣдствіе ясно выраженнаго стремленія къ переходу отъ эмпиризма къ раціонализму въ дѣлѣ врачеванія.

Поворотнымъ пунктомъ въ исторіи обыкновенно считаютъ возникновеніе Салернской школы.

Точныхъ свѣдѣній относительно ея основанія не имѣется; извѣстно лишь, что эта школа возникла при монастырѣ или даже изъ него.

Интересно отмѣтить, что съ распространеніемъ христіанства, или вѣрнѣе говоря съ пріобрѣтеніемъ христіанствомъ положенія новой господствующей религіи, медицина съ фармаціей снова вернулись въ храмы въ руки духовенства, совершенно аналогично тому, какъ мы это видѣли въ предыдущій періодъ, когда во главѣ языческой религіи вставали жрецы.

Распространеніе христіанства измѣнило взгляды на многія вещи. Между прочимъ отрицательно стали смотрѣть и на занятія женщинъ врачеваніемъ, такъ часто заставляющимъ женщину забывать чувство стыдливости, но это относилось именно только къ профессіональному занятію, не дающему возможность практиковать только въ предѣлахъ скромныхъ и приличныхъ болѣзней.

Въ такомъ взглядѣ особенно утвердило духовныхъ лицъ проба допущенія къ изученію врачебной науки въ Салерно нѣкоей Sichelgaita, не

уступавшей при своей дальнѣйшей дѣятельности ни въ чемъ упомянутымъ сагамъ и майямъ Рима и Аѳинъ.

Не смогли измѣнить этого взгляда и другія женщины, допущенныя въ Салерно въ видѣ исключенія или какъ высказывается лѣтописецъ и вслѣдствіе „paterna influenza“ или благодаря „la sua bellezza“.

Изъ этихъ послѣднихъ Салернитанокъ извѣстна напр. Trotula изъ дома Ruggiero. Она составила руководство къ приготовленію самыхъ разнообразныхъ средствъ, рекомендуемыхъ ею женщинамъ, главнымъ образомъ косметическаго характера, напр. для удаленія волосъ и под., а также напр. пропись пилюль, которыя употреблять, когда „mulier debet coire cum alio“. Для характеристики невозбранно трактовавшихся тогда темъ любопытенъ, между прочимъ, такой совѣтъ, который встрѣчается въ сочиненіи ея племянника, тоже врача, рекомендуемый имъ вдовамъ и монахинямъ „digitum sibi imponere, ut ex motu et titillatione possint spermatizare“.

Понятно, что духовные соборы старались это искоренить и поэтому окончательно запретили изучать женщинамъ врачебную науку въ возникавшихъ тогда школахъ или университетахъ подобно Салерно.

Нельзя, однако, быть увѣреннымъ, что это запрещеніе исходило исключительно изъ чисто нравственныхъ побужденій и лишено было совершенно корыстныхъ цѣлей, такъ какъ медицина, повторяю, была въ рукахъ духовныхъ лицъ. На ряду съ запрещеніемъ церковныхъ соборовъ существовали и прямо противуположные совѣты (напр. епископа Абеляра) монахинямъ заниматься леченіемъ и приготовленіемъ лекарствъ на пользу ближнему, а также обучать воспитанницъ монастырей врачебному искусству, дабы послѣдніе, вернувшись въ міръ и пользуясь домашними аптечками, могли бы помогать и исцѣлять больныхъ. До насъ дошло жизнеописаніе и труды одной настоятельницы монастыря въ Бингенѣ—Гильдегарды, которая

цитируется иногда и теперь въ области исторіи фармакогнозіи. Въ ея трудѣ, называемомъ „Physica“ или „Liber simplicis medicinae приводятся, между прочимъ, описанія слѣдующихъ растеній, употребляемыхъ и въ наши дни: Absinthum, Capsella bursa past., Caryophylli, Conium, Hyosciamus, Liquiritia, Malva, Millefolium, Valeriana, Verbascum и др.

Руководство это предназначалось главнымъ образомъ для монахинь, а также и въ видѣ домашняго лечебника.

Въ XIV вѣкѣ произошло повсемѣстное и окончательное раздѣленіе фармаціи и медицины, и мы начинаемъ уже встрѣчать законодательныя запрещенія врачамъ торговать лекарствами, а фармацевтамъ лечить. Это мы узнаемъ напр. изъ правилъ, изданныхъ въ Авиньонѣ, при чемъ въ этихъ правилахъ при перечисленіи лицъ изъ категоріи фармацевтовъ упоминаются и лица женскаго пола. Слѣдовательно, во Франціи въ XIV вѣкѣ женщины были допущены къ фармацевтической дѣятельности уже на законномъ основаніи, при этомъ имъ запрещалось лишь употреблять невѣрные вѣсы и мѣру. Тѣ изъ нихъ, которыя пытались заниматься изслѣдованіемъ мочи, называются шарлатанками.

Изъ этого мы можемъ заключить, что во Франціи женщины прогрессировали раньше, чѣмъ въ средней Европѣ.

Однако и женщины не отказывались отъ участія во врачевательномъ искусствѣ, какъ мы это узнаемъ изъ различныхъ сказаній и народнаго эпоса. Такъ напр. Изольда готовила терьякъ. Ея мать умѣла готовить любовный напитокъ, что, между прочимъ, играетъ роль въ извѣстномъ эпосѣ Тристанъ и Изольда. Гибурга исцѣляла раны пластыремъ изъ Diptam (видъ Origanum), уксуса и бобоваго цвѣта. Diptam'омъ и виномъ лечила старая королева раны Парсиваля, она же погрузила его въ сонъ, давъ ему напитокъ изъ какого-то корня.

На основаніи сказаннаго нельзя отрицать, что подобныхъ любительницъ врачеванія интересовало главнымъ образомъ изученіе различныхъ средствъ

изъ группы Aphrodisiaca, Abortiva, Emmenagoga и проч.

Подобнаго рода дѣятельность любительницъ врачевательнаго искусства повела къ тому, что по мѣрѣ развитія законодательства объ аптекахъ и фармацевтахъ права женщинъ стали ограничиваться. Такъ напр. въ XVI столѣтіи въ Вормсѣ запрещено было, чтобы жены и дочери аптекарей продавали яды и слабительныя.

Такія запрещенія можетъ быть были вызваны и жалобами на самихъ аптекарей, относительно которыхъ историки указываютъ, что они занимались побочными дѣлами, а веденіе аптеки предоставляли всецѣло своимъ женамъ, при чемъ не стѣснялись поручать своимъ женамъ даже ставить больнымъ клизмы. Несмотря однако на подобныя ограниченія, въ рукахъ женщинъ находилась цѣлая отрасль, вышедшая несомнѣнно изъ аптечной лабораторіи—это различныя жидкости, получаемыя перегонкой во главѣ съ жженой водой, т. е. водкой.

Это право предоставлялось женщинамъ подъ условіемъ присяги, почему ихъ также звали „присяжными бабами". Кромѣ того этимъ присяжнымъ бабамъ предоставлено было право торговать лекарствами, предварительно осмотрѣнными и разрѣшенными соотвѣтствующими властями. Такъ сохранился приговоръ 1530 года, по которому нѣкоей Катеринѣ Шимлинъ угрожало изгнаніе изъ города за несоблюденіе этого правила.

Изготовленіе различнѣйшихъ лекарствъ путемъ перегонки получило въ средніе вѣка особенно широкое примѣненіе подъ вліяніемъ увлеченія алхиміей, въ которой перегонная реторта играла самую важную роль. Такъ какъ алхимія первоначально изучалась только въ монастыряхъ, какъ единственныхъ очагахъ знанія того времени, то и этотъ способъ перегонки слѣдуетъ считать разработаннымъ именно монахами сперва въ видѣ научнаго метода, а затѣмъ очень скоро примѣненнаго для болѣе практическихъ цѣлей.

Остатки этого промысла сохранились и до нашихъ дней въ видѣ извѣстныхъ ликеровъ, какъ

напр. Бенедиктинъ, Шартрезъ и пр. Первоначально эти напитки готовились только для цѣлей леченія для страждущихъ, а потомъ и для всѣхъ жаждущихъ. Эти жженыя воды нашли со временемъ такое широкое примѣненіе, что власти оказались вынужденными ихъ продажу предоставить только аптекамъ, а такъ какъ оказалось, что послѣ этого въ аптекахъ стали происходить слишкомъ многолюдныя и шумныя собранія, то разрѣшено было отпускать эти воды только въ качествѣ лекарствъ.

Я уже указывалъ, что въ средніе вѣка и позднѣе въ большомъ употребленіи находились домашнія аптеки, иногда довольно крупныхъ размѣровъ.

Въ одномъ Нюрнбергскомъ изданіи 1682 года помѣщено изображеніе такой аптеки, а также и подробное описаніе ея устройства.

Въ введеніи указано, что всякой благородной хозяйкѣ полагается имѣть въ своемъ домѣ аптеку, которой она могла бы пользоваться въ экстренныхъ случаяхъ, и въ которой также издалека призванный врачъ могъ бы получить необходимѣйшія средства. Понятно, что хозяйка должна умѣть перегонять и готовить жженыя воды. Въ аптекѣ у нея всегда должны быть въ запасѣ: теріакъ, митридатъ, Alkermes, Confection, Bezoar, ревень, Александрійскій листъ, Agaricus и подобныя средства, различныя масла, бальзамы, ялаппа, кашки, пластыри, разныя корки и корни, цвѣты, плоды и пр. Изъ этого списка видно, что въ общемъ аптека выходила изъ ряда домашнихъ и не уступала по количеству средствъ и нормальной нашего времени.

Изъ изображенія этой аптеки видно, что она занималась и частной продажей. Разъ завѣдующей подобной, хотя бы домашней, аптеки являлась хозяйка дома, то необходимо предполагать у нея и наличность достаточныхъ спеціальныхъ свѣдѣній и познаній.

Что это было распространеннымъ явленіемъ и что, слѣдовательно, много было женщинъ, владѣвшихъ такими полулегальными аптеками, видно напр. изъ того, что современныя хроники, разби-

раясь въ вопросѣ о конкурентахъ аптекарей, первое мѣсто отводятъ именно такимъ хозяйкамъ—женщинамъ.

Что женщины не ограничивали свою дѣятельность одной домашней помощью, но любили заниматься и научной литературой по этому вопросу, видно изъ оставленныхъ ими трудовъ.

Такъ Барбара Вейнтраубинъ въ 1603 г. издала „лекарственную книжечку", Марія Мейрдрокъ составила „Сострадательную и легкую химію", выдержавшую болѣе 4 изданій.

Герцогиня Элеонора Марія Розалія въ Троппау издала немалый трудъ въ 6 книгъ „Избранныхъ лекарствъ и препаратовъ искусства для всѣхъ немощей и болѣзней человѣческаго тѣла".

Здѣсь умѣстно будетъ вспомнить и о нѣкоторыхъ другихъ женщинахъ, которыя хотя и помимо собственнаго желанія, но все же оказали не малое вліяніе на фармацію въ дѣлѣ оцѣнки женской фармацевтической дѣятельности.

На первомъ мѣстѣ стоитъ Teofanio di Adamo, которая получила печальную извѣстность массовыми отравленіями своихъ любовниковъ особымъ напиткомъ изъ мышьяка. Этотъ напитокъ перешелъ даже въ современные фармацевтическіе мануалы подъ именемъ Aq. Tofana.

Хотя она въ 1613 г. и была приговорена къ висѣлицѣ и повѣшена, тѣмъ не менѣе она имѣла большое число послѣдовательницъ; въ Палермо, гдѣ она жила, а затѣмъ и въ Римѣ, создалась среди женщинъ прямо манія отравленія при помощи Aq. Tofana.

При разборѣ архива знаменитой Бастиліи, Функъ-Брентано нашелъ весьма любопытныя свѣдѣнія относительно такихъ же мегеръ среди высшей аристократіи при дворѣ „священнаго короля" Людовика XIV. Особенно печальную славу составленія любовныхъ напитковъ и отравъ оставили маркизы de Brinvillers, de Pontaillon, Voisin, Fillastre, Vigoureux и многія другія. Онѣ не стѣснялись готовить и примѣнять свои отравы совершенно открыто. Печальнѣе всего то, что даже

сама Монтеспань не брезговала прибѣгать къ ихъ помощи. Не даромъ пословица того вѣка говоритъ, „кто лекарство покупаетъ у женщины, тотъ платитъ за него цѣной своей жизни“.

Помимо этой преступной дѣятельности женщины увлекались еще другимъ занятіемъ, не столько опаснымъ, сколько смѣхотворнымъ.

Я уже указывалъ, что въ эти вѣка однимъ изъ самыхъ благодѣтельныхъ лекарствъ считалось промывательное. Ставить ихъ, а также провѣрять ихъ дѣйствіе, входило въ тѣ времена въ кругъ обязанностей аптекаря или вѣрнѣе говоря его помощника, т. е. ученика. Понятно, что этотъ трудъ заставляли оплачивать по возможности дороже; такъ напр. сохранился счетъ, по которому видно, что придворный аптекарь маркизы Мэнтенонъ, которая прибѣгала къ этому срецству ежедневно, получалъ по 5 франковъ.

Насколько интересовались этимъ средствомъ, видно напр. изъ того, что даже церковные соборы посвящали клизмамъ свои засѣданія, рѣшая вопросъ, допустимы ли питательныя клизмы во время поста. Указанное пристрастіе сдѣлало клизмы особенно во Франціи однимъ изъ наиболѣе модныхъ средствъ, а поэтому знаменитая трубка была необходимымъ аттрибутомъ туалетнаго столика каждой свѣтской дамы.

Что она лежала не безъ употребленія, а также взглядъ современниковъ на увеличеніе женщинъ этой vesica bibula, а впослѣдствіи изъ гусинаго горла, указываетъ лучше всего картина такого художника, какъ David Teniers, изобразившаго обезьяну съ клистирной трубкой въ рукахъ и подписью: „Les plaisirs des dames“.

Въ XVIII столѣтіи роль женщинъ въ фармаціи существенно не измѣнилась. Онѣ управляли и содержали домашнія аптеки, занимались изготовленіемъ лекарствъ въ монастыряхъ и продолжали продавать готовыя средства, не отказываясь въ то же время отъ знахарства.

Сохранившееся объявленіе 1795 года предлагаетъ между прочимъ: грыжный бинтъ цѣной въ

10 талеровъ, Antivenericum—6 талеровъ, спиртъ отъ подагры—15 талеровъ, средство для увеличенія плодовитости—15 талеровъ, краска для волосъ 3 талера и под.

Оффиціально женщины къ занятію въ аптекахъ не были допущены, но, повидимому, на случайныхъ и временныхъ помощницъ смотрѣли сквозь пальцы. Такъ, напр., имѣется слѣдующее указаніе ревизовавшихъ аптеку нѣкоего Bulle въ Usedom'ѣ „аптека за призывомъ аптекаря на войну ведется его женой и дочерью по даннымъ ревизіи вполнѣ удовлетворительно". Во Франціи въ XVIII столѣтіи появились, между прочимъ, кассирши въ аптекахъ.

При попыткѣ нѣкоторыхъ женщинъ сдать экзаменъ, чтобы быть допущенными въ аптеку, Société de pharmacie de Paris дало отрицательный отзывъ, мотивируя: „l'usage, l'opinion, le décence et même la raison s'y opposaient".

Одинъ изъ современниковъ возстаетъ противъ присутствія въ аптекахъ женщинъ по слѣдующимъ двумъ причинамъ: нельзя у нихъ покупать нѣкоторыя средства безъ того, чтобы онѣ не покраснѣли, а съ другой стороны имъ нельзя воспрепятствовать стать любовницами учениковъ.

Одновременно, однако, раздавались голоса и въ пользу женскихъ фармацевтовъ, указывавшіе даже на особую желательность замѣнить мужчинъ женщинами, такъ какъ среди мужчинъ много пьяницъ.

Началомъ XIX столѣтія заканчивается историческій періодъ для роли женщинъ въ развитіи фармаціи. Середина и конецъ прошлаго XIX столѣтія являются для насъ слишкомъ близкими, чтобы можно было ими пользоваться, не нарушая извѣстнаго правила „à discrétion".

Мы должны лишь указать, что въ концѣ прошлаго столѣтія въ большинствѣ цивилизованныхъ странъ доступъ женщинамъ въ фармацевтическую дѣятельность былъ уже открытъ законодательнымъ порядкомъ.

Этимъ правомъ особенно успѣшно воспользовались бельгійки, а затѣмъ съ конца восьмидесятыхъ годовъ и наши русскія женщины.

Я не могу взять на себя смѣлость дать критическую оцѣнку соотвѣтствія ихъ современной дѣятельности цѣлямъ и задачамъ фармаціи, но не могу въ то же время не высказать своей глубокой увѣренности въ томъ, что женщины-фармацевтки въ состояніи вполнѣ справиться съ возлагаемыми на нихъ обязанностями, и что онѣ блестяще оправдаютъ оказанное имъ довѣріе. Въ этомъ я не сомнѣваюсь и въ этомъ меня убѣждаетъ развитіе за послѣднее время земской фармаціи, работающей какъ разъ съ участіемъ женщинъ.

Не менѣе я увѣренъ и въ томъ, что замѣчавшійся антагонизмъ со стороны фармацевтовъ-мужчинъ также скоро долженъ будетъ исчезнуть. Къ этому приводитъ меня сопоставленіе историческихъ фактовъ съ даннымъ переживаемымъ моментомъ.

Послѣ того какъ химія стала самостоятельной, многіе фармацевты XVIII и XIX столѣтія посвятили себя исключительному служенію этой ими же созданной наукѣ и въ фармацевтахъ сталъ ощущаться недостатокъ, по крайней мѣрѣ въ западной Европѣ. Тогда на помощь выступили женщины и хотя ихъ положеніе не было еще легализовано, то все же отнеслись къ этому явленію съ молчаливымъ согласіемъ.

Въ настоящемъ XX вѣкѣ передъ русской фармаціей встаетъ новая, тяжелая и отвѣтственная задача—созданіе отечественной химико-фармацевтической промышленности. Русскіе фармацевты нравственнаго права не имѣютъ отказаться отъ ея рѣшенія, да я увѣренъ, что и не откажутся, тѣмъ болѣе, что это не временная задача, а исторически подготовлявшаяся и слѣдовательно и неизбѣжная.

Но если фармацевты-мужчины посвятятъ свои силы этой новой дѣятельности и выступятъ такъ сказать на передовыя позиціи для борьбы съ вра-

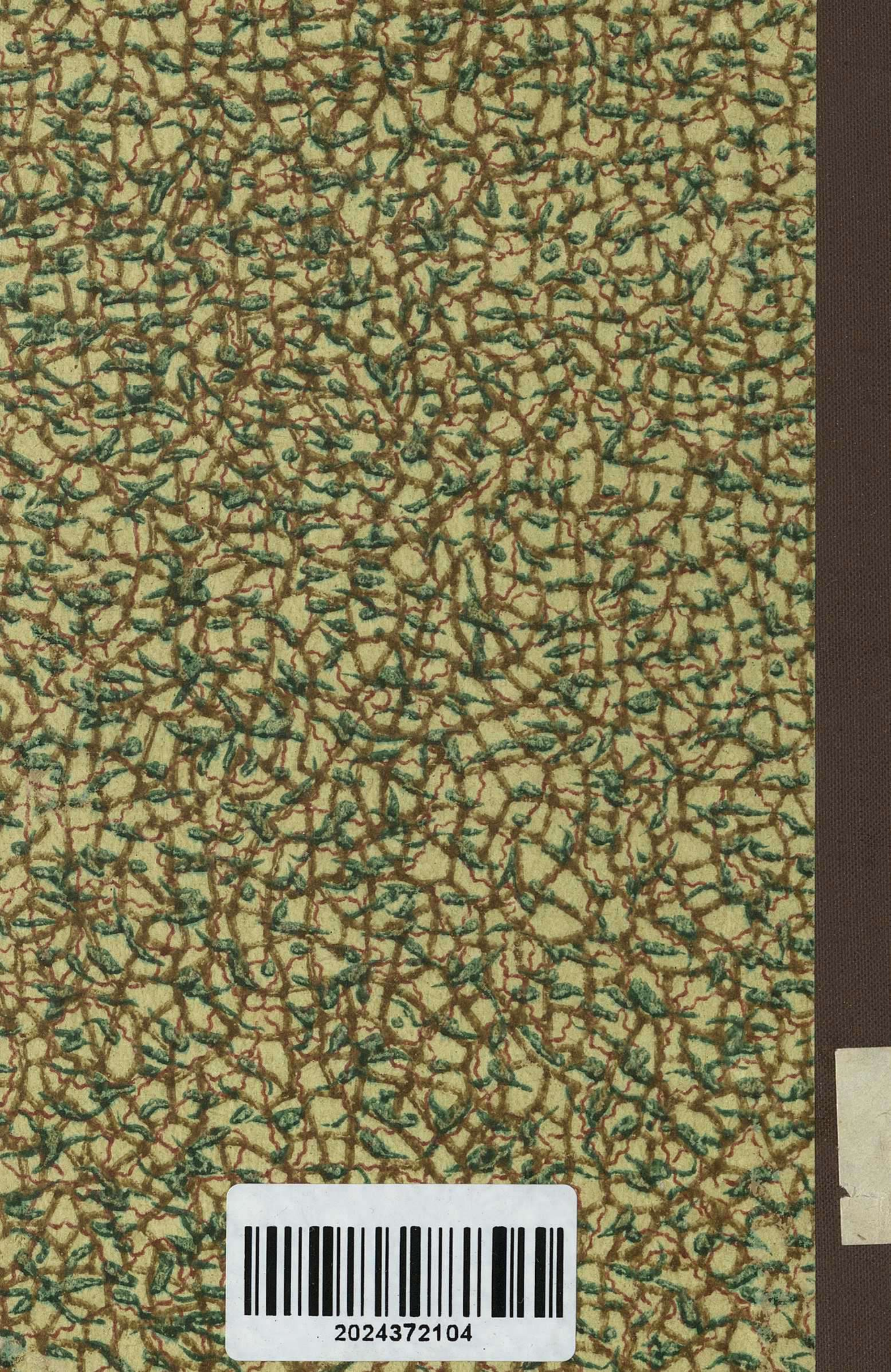
жескимъ засильемъ, то ихъ мѣсто должны будутъ само собой занять женщины, чтобы обезпечить и тыловыя позиціи.

Въ такой согласованной работѣ фармацевтовъ женщинъ и мужчинъ я вижу будущность и расцвѣтъ русской фармаціи.

Отдѣльный оттискъ изъ „Фармацевтическаго Журнала“ №№ 1—4 1916 года.

Петроградъ. Дозволено военной цензурой 1 февраля 1916 г.

Типо-Литографія А. Э. Винеке, Екатерингофскій пр., № 15.

2024372104